

Ли Му заказал простые блюда, и Цэнь Цзибай тоже последовал его примеру. Сначала они взяли жареную курицу и сушёные овощи — эти блюда готовились быстро и могли послужить закуской. Затем он велел подать вина в бамбуковых стволах, чтобы согреться. «Три белых из Цинчжоу» были слишком крепкими, ни Линь Цзинь, ни он сам не могли их пить, а вот вино в бамбуке оказалось сладковатым и лёгким. «Ещё жареного поросёнка, мясо на пару в пиалах, три вида побегов с кунжутным маслом, тофу «Лотос» и прозрачный суп из карася».

— В нашем заведении лучше всего получают лепёшки «Сойи», не желаете ли попробовать?
— услужливо предложил слуга.

— Да, — откликнулся Линь Цзинь, улучив момент. — Полкорзины сладких, полкорзины солёных. Солёные — себе, а сладкие — для Цэнь Цзибая.

Он подумал, что мальчишке одиннадцати-двенадцати лет наверняка по нраву сладкое.

Слуга бодро ответил: «Сейчас будет!» — и отправился на кухню передавать заказ. Зная, что гостям нужно поговорить, А Инь вывел Сяо Дао наружу, чтобы посторожить у двери.

— Цзыцянъ прибыл из Хучжоу? — спросил Цэнь Цзибай, вспомнив, что тушёная свиная голова была знаменитым блюдом Хучжоу. Простоватое, конечно, но, говорят, на вкус — замечательное.

В прошлой жизни, проходя через Хучжоу с войсками, Цэнь Цзибай попробовал его однажды. Но в те времена любая еда была для него лишь способом утолить голод.

— Ещё два месяца назад я был в Хучжоу, — кивнул Ли Му. — Кстати, о Хучжоу: тамошний парчовый шёлк — превосходный. Бамбука много, и из него делают мебель, что тоже занятно. А ещё в южных лесах Хучжоу растёт особое лекарственное растение — малый чёрный корень. В других местах его не сыщешь, а там оно дешёво...

Линь Цзинь сначала поддерживал беседу, но, услышав, как Ли Му уговаривает Цэнь Цзибая затеять какую-то мастерскую и снарядить торговый караван, занервничал. — Ты сам говорил, что у тебя ничего за душой нет, а теперь склоняешь Сяо Чжу вкладываться в мастерскую, чтобы самому устроиться...

Ли Му, услышав это, тоже вспыхнул, сверкнул глазами и перебил:

— Господин Линь! Пусть у меня и нет состояния, но в груди у меня — большие замыслы, а в голове — знания. Как можно говорить, что у меня ничего нет?

Цэнь Цзибай, помня прошлую жизнь, верил, что Ли Му и впрямь кое на что способен, но Линь Цзинь этого не знал, и его сомнения были естественны. Принц подумал, что начальные вложения будут невелики: можно сначала открыть одну мастерскую и дать Ли Му проявить себя. Если дело пойдёт, завести и следующую. Правда, сам он редко покидал дворец, и все счетоводные дела, пожалуй, придётся доверить Ли Му.

Линь Цзинь буркнул недовольно:

— Есть у тебя знания или нет — я у старшего брата сам спрошу. Сяо Чжу редко бывает за стенами дворца, да и характер у него мягкий, добрый. Обманешь его — я тебя на куски изрублю!

Ли Му с усмешкой посмотрел на юношу, затем на Цэнь Цзибая и сказал:

— Третий господин явно вас опекает, ваше высочество.

Линь Цзинь тут же отозвался:

— Сяо Чжу — конечно, опекаю. А что до тебя... если действительно дело наладишь — я тебе в ноги поклонюсь.

Столь суровый и серьёзный тон дал Ли Му понять, что пошутил он зря.

В прошлой жизни казна Цэнь Цзибая была пуста, и он влачил жалкое существование. Услышав предложение Ли Му, он и вправду заинтересовался и принялся обсуждать детали.

Ли Му не знал здешних цен в Линьяне, поэтому, отталкиваясь от хучжоуских, прибавил десять процентов и прикинул приблизительную сумму.

Пока речь шла лишь о винодельческой мастерской. Ли Му сам любил выпить, отец его владел этим ремеслом и научил сына, да и торговаться он умел — сбывать товар в харчевни должно было быть несложно. Да и рабочих требовалось немного, сырьё — под рукой, так что наладить дело было проще простого.

Это давало ему лишь точку опоры, а вскоре следовало завести и мастерскую по выварке сырого лака. Работа — грязная, тяжёлая, да и запах лака не из приятных, простой люд на такую не пойдёт. А вот беженцы привередничать не станут, если платить им больше, чем на винодельне. Затем найти ткачей, обучить их ремеслу, завести красильню и ткацкую...

Раньше под стенами Линьяна стояло множество войск, и сбывать кованые изделия было бы нетрудно. Но казна опустела, и в войсках серебра не водилось.

В те времена, когда царство Ся не так бедствовало, правитель Ся одарил Цэнь Цзибая множеством прекрасных вещей, да и дворцовое содержание не урезал. Так что несколько десятков лянов серебра Цэнь Цзибай выложил без колебаний — на обустройство и съём жилья, — а вдобавок дал золотой слиток на непредвиденные расходы.

Получив деньги, Ли Му даже не зашёл в дом Линь, заявив, что, как устроится, передаст весточку Цэнь Цзибаю через них. Он стремительно опустошил огромную миску лапши с тушёной бараниной и, невзирая на дождь, отправился на поиски жилья.

Цэнь Цзибай лишь рассмеялся, а Линь Цзинь проворчал с досадой:

— Взял и сбежал. Если пропадёт без вести — что тогда будешь делать?

Цэнь Цзибай развеселился ещё больше, накладывая Линь Цзиню еду, и ответил:

— Разве ты не говорил, что если он меня обманет, ты его зарубишь? Чего же мне бояться?

Линь Цзинь сердито покосился на него:

— Дурак, его же ещё найти надо.

Цэнь Цзибай усмехнулся. И в прошлой жизни, и в этой лишь Линь Цзинь называл его дураком.

Они закончили обед, поговорили ещё немного, и к моменту, когда на дворе стоял уже пятый

час пополудни, дождь наконец прекратился. Цэнь Цзибай на повозке отвёз Линь Цзиня к воротам усадьбы Линь.

— Торопись назад, во дворец? — спросил Линь Цзинь, выходя. Если нет — можно было бы зайти в дом, посидеть. — Старший брат вернулся. Ты же всё про стратегию расспрашиваешь — вот пусть он тебе и расскажет.

Цэнь Цзибай охотно провёл бы больше времени с Линь Цзином, но ему предстояло иметь дело с госпожой Чжоу, поэтому он вежливо отказался. — Твой старший брат так редко дома бывает. Пусть семья в кругу своём пообщается. К чему мне там быть?

Линь Цзинь понимал резонность этих слов, но всё равно был не в духе. Они с Цэнь Цзибаем не виделись полгода, и вот — снова расставаться...

— Завтра выберешься? — Линь Цзинь выхлопотал себе двухдневный отпуск и на завтра оставался дома.

Цэнь Цзибай покачал головой. — Не выйдет. — И добавил:

— Насчёт военной науки лучше в письмах. Спрошу тебя, великий генерал Линь.

Линь Цзинь рассмеялся, махнул рукой и пошёл к воротам. Перед тем как скрыться за ними, он ещё раз оглянулся на Цэнь Цзибая.

Мокрая брусчатка блестела лужами, колёса повозки мягко шуршали по мокрому камню. С противоположной стороны подошёл А Цзинь и, поравнявшись с окном, окликнул:

— Ваше высочество.

Цэнь Цзибай откинул занавеску, А Цзинь придвинулся ближе и тихо доложил:

— Как вы и предполагали, второй принц отправился в Терем Весенних Желаний.

В прошлой жизни Цэнь Цзибай не знал, где в этот день находился Цэнь Цюхэ, но пару дней назад двое гвардейцев, перекидываясь словами, упомянули, что сегодня вечером в Тереме Весенних Желаний начнёт принимать гостей тамошняя звезда, молодой куртизанка Ижу. Они нахваливали его красоту и таланты, и Цэнь Цюхэ, случайно подслушав, наверняка загорелся желанием отправиться туда этой ночью и перебить цену.

В Тереме Весенних Желаний был завсегдатай по фамилии Лян, известный во всём Линъяне своей склонностью к молодым мужчинам. Ранее Сун Чжияо, проверявший прошлое А Цзиня и А Иня, выяснил, что у А Цзиня был старший брат, которого этот самый Лян когда-то похитил прямо с улицы и замучил до смерти. То, что Цэнь Цзибай дал сегодня А Цзиню, было не столько на лечение, сколько на дорожные расходы для его друга, некоего У, который в последнее время служил у господина Ляна и успел завоевать его доверие.

Навещающая веселые кварталы, Цэнь Цюхэ никогда не называл себя принцем, а его слуги оставались снаружи, не входя в покои. Сегодня он специально явился, чтобы участвовать в торгах за право первой ночи. Будь господин Лян настроен серьёзно, он вряд ли уступил бы Цэнь Цюхэ. Но Лян, следуя советам друга А Цзиня, и не собирался ломиться. Под предлогом знакомства он привёл с собой пару своих любимых мальчиков, принялся угощать Цэнь Цюхэ вином, и вскоре тот, пьяный в стельку, отключился. А уж что произошло с ним потом — было весьма занятно.

Самого Ижу Цэнь Цзибай не видел, но все в роду Цэней отличались приятной внешностью. После праздника Дуанью он всё не трогал Цэнь Цюхэ — хотел, чтобы тот хлебнул лиха сполна, да и себя при этом не запятнать.

— И что он сказал? — спросил Цэнь Цзибай.

Он спрашивал о том самом соседе и друге детства А Цзиня. Этой ночью, когда господин Лян, раздосадованный торгами за красавца, загрустил, «друг» и подсказал ему остроумный выход.

<http://bllate.org/book/15933/1423995>